

ОЛЬГА ПАВЛОВНА ЕРМАКОВА*
КГУ КАЛУГА, РОССИЯ

КОНВЕРСИЯ И СИНХРОНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о конверсии в русском языке с точки зрения синхронии на материале некоторых частеречных транспозиций. Автор утверждает, что по отношению к синхронии конверсия не является надежным ресурсом словообразования, поскольку может создавать условия для нейтрализации частей речи и сам факт рождения нового слова, другой части речи, при этом нередко оказывается сомнительным.

Ключевые слова: синхрония, омонимия, позиция, нейтрализация, субстантивация, лексикализация.

К образованиям по конверсии в русском языке можно отнести явления частеречной транспозиции: прилагательное – субстантиват, существительное – наречие, наречие – предлог и другие. В этой работе ограничимся только названными.

Прилагательное – субстантиват.

Введение в научный обиход понятия субстантивации как синхронного способа образования, а не только исторического процесса перехода в существительные прилагательных и причастий, внесло определенную логику в изучение системы словообразования. Действительно, ограничение субстантивации с точки зрения синхронии лишь теми явлениями, когда в языке сосуществуют и прилагательное, и субстантиват, устанавливает отношения между этими единицами как отношения производящего и производного, то есть так, как в любой словообразовательной паре.

Но это не избавляет нас от необходимости различать эти единицы, как всякие омонимы (в данном случае грамматические). Находясь в синтаксических позициях, характерных только для одного из омонимов, они четко различаются: *глухой глухого свал к судью судьи глухого*. В данном случае не вызывает сомнения, что первые две словоформы – субстантиваты, а третья – прилагательное. Однако эти словоформы нередко оказываются в позиции, равно возможной и для существительного, и для прилагательного – в позиции предиката, которая становится для них позицией **нейтрализации**. Ср.: *Он – глухой (слепой, хромой, больной,*

* e-mail: liter@kspu.kaluga.ru

здоровый, взрослый, безумный). Жизнь пренеприятная штука, но сделать ее прекрасной очень нетрудно. Для этого даже в минуты скорби надо радоваться сознанию, что «могло быть и хуже»: Радуйся, что ты не хромой, не слепой, не глухой, не немой, не холерный (Чехов, Жизнь прекрасна). Ср. также: Он больной, что может соответствовать и прилагательному, и субстантивату.

В разговорной русской речи нередки контексты: Я (он) уже взрослый (большой), не больной, не сумасшедший. Что вы хотите от него? Он же безумный и т.п.

Неразличение субстантивов и соответствующих им прилагательных, естественно относится к образованиям от качественных прилагательных: относительные (если не приобрели качественного значения) в позиции предиката не употребляются.

Как показывают наблюдения, в позиции нейтрализации оказываются субстантиваты – имена лиц от качественных прилагательных и сами эти прилагательные, а также имена отвлеченных понятий и соответствующих качественных прилагательных – новое, старое, далекое, прекрасное, неприятное, страшное, важное и т.п. Это решение для меня **самое важное** (?). Ср. также: Объяснение с отцом было **самое неприятное**, что может соответствовать двум разным высказываниям. 1. Объяснение с отцом было **самым неприятным** из неприятных объяснений этого дня (прилагательное). 2. Объяснение с отцом было **самое неприятное**, что пришлось испытать за этот день (субстантиват).

Естественно, что при несоответствии в роде подлежащего и сказуемого нейтрализация снимается: Его речь на ученом совете – **самое потрясающее**, что я слышала на этих днях (субстантиват).

Отметим, что кроме факта сосуществования прилагательного и соответствующего субстантивата, важна и употребительность каждого из этой пары, в частности, в определенной сфере языка. Так, слово *больной* в ситуации больницы уже закрепилось в качестве субстантивата со специфическим значением ‘пациент’. И не только в такой сильной позиции, как *прием больных, привезли больного* и т.п., но и в позиции сказуемого, обычно – позиции нейтрализации. Кто это ходит по коридору? Это **больной** из 5-ой палаты. **Больной**, войдите в палату. Впрочем, и врач, приходящий по вызову, обычно говорит: Где **больной**? Таким образом, специализация значения субстантивата «избавляет» его от нейтрализации.

В судебной практике слова *подследственный* и *подзащитный* практически не употребляются в качестве прилагательных, также как имеющие природу причастий слова *подозреваемый*, *обвиняемый* и *пострадавший*, *потерпевший*, *погибший*. Кроме того формы на *-ви-ий*, как и на *-ащ-(ий)*, *-ущ (ий)* в русском языке могут быть в позиции сказуемого только при условии адъективации или субстантивации (*опухший*, *обрюзгший*, *падный*, *мыслящий* и т.п.). Ср.: *Он был **читающим** письмо, **выходящим** на улицу и т.п. Но: Он не очень способный, но **думающий**; Ему не нужно быть **ведущим**. Это была женщина высокая, с темными бровями, прямая, важная, солидная и, как она сама себя называла, **мыслящая** (Чехов, Дама с собачкой).

А формы на *-ем-ый, -им-ый, -ом-ый* как причастия вообще малоупотребительны в русском языке, чаще в разных позициях они субстантиваты или адъективаты. Я – *обвиняемый*? Нет, пока только *подозреваемый*; Девочка вполне *обучаемая*; Я главный. А сзади: «Ну чтоб я сгорел! Где же он, мой *ведомый*?!» (В. Высоцкий. Песня самолета-истребителя).

В ситуации поездки по железной дороге слова *отъезжающий, провожающий* – субстантиваты в любой позиции: Вы – *отъезжающий*? Нет, я – *провожающий*.

Фактически в этих словах также наблюдается лексикализация: *отъезжающий* – ‘пассажир, отправляющийся транспортом дальнего следования’. Человека, который собирается поехать городским трамваем (автобусом и т.п.) не называют *отъезжающим*, а того, кто провожает его – *провожающим*.

Кроме позиции сказуемого «уязвимой» для различения субстантивата и прилагательного в ряде случаев бывает близкая к сказуемому в силу своей полупредикативности позиция обособленного определения, где адъективную словоформу нельзя отграничить от приложения: *Ему бы дома сидеть, деньги зарабатывать, а он, ненормальный, все в горы, на лыжах носится*. Ср. также: обращение или обособленное определение? *Я уже взрослый. Ну ты, взрослый, может быть, поможешь посуду?*

Более редкие случаи нейтрализации, однако возможные, это постпозитивное употребление родительного зависимого – субстантивата или прилагательного. Ср.: *Брата раненого отвезли домой*.

Для прилагательного такое употребление – инверсия, для существительного (и следовательно, субстантивата), – напротив, – нормальный прямой порядок слов. Определение словоформы *раненого* как части речи зависит от ситуации: кто ранен – некто не названный или *брат* (тогда *раненый* – прилагательное). Если речь идет о брате человека, которого ранили, – *раненый* – субстантиват. Ср. пример из Лермонтова: *Однажды русский генерал из гор к Тифлису приезжал, ребенка пленного он вез* («Мцыри»). Здесь, исходя из ситуации, все определяют *пленного* как прилагательное, тем более что в поэтической речи инверсия – явление частое. Но отвлекаясь от поэтического контекста и более достоверной ситуации, думается, истолкование *пленного* как родительный падеж субстантивата вполне возможно.

Таким образом, когда мы имеем дело с чистой конверсией (без лексикализации одного из омонимов), позиция предиката и некоторые другие оказываются позицией неразличения прилагательного и субстантивата, что делает конверсию ненадежным средством словообразования.

Напомню, что позиция сказуемого является позицией нейтрализации не только для образования путем субстантивации, но и для различения прилагательных (кратких) и безличных предикативов на *-о* (так называемых слов «категории состояния» – по Л.В. Щербе и В.В. Виноградову): *Слышно пение, видно поле, видно, как пришел пароход* и т.п. Нейтрализация в таких случаях начинается с формы падежа – Им. или Вин., поскольку *слышно пение* может соответствовать и *слышна песня* и *слышно песню*. Отсюда нейтрализация на уровне частей речи

– краткое прилагательное или безличный предикатив: прилагательные не могут управлять винительным падежом без предлога, а некоторые слова категории состояния могут. Неразличение частей речи ведет к нейтрализации синтаксических структур – безличность – небезличность.

Разумеется, есть круг лингвистов, не считающих безлично-предикативные слова особой частью речи, но это уже другой вопрос.

Существительное – наречие.

Хотя мне уже приходилось высказывать некоторые соображения об омонимии словоформ – существительное – наречие) [Ермакова 2000, с. 101 – 107], представляется необходимым здесь кое-что повторить и кое-что уточнить.

Если признавать, что словоформы [в]даль, [в]дали, *утром, вечером, летом* и т.п. в определенных позициях являются наречиями (а можно и не признавать!), то, на наш взгляд, они образованы не аффиксально, а являются результатами конверсии, и позиция обстоятельства, равно возможная и для наречия, и для существительного, при отсутствии характерного категориального признака существительного (определения) оказывается позицией неразличения этих омонимов: позицией нейтрализации.

Если же мы отрицаем существование таких омонимов, считая, что в любой позиции имеем дело с существительными, то, естественно, о нейтрализации говорить не приходится.

Это в полной мере относится и к омонимии (?) существительное – предлог. В этих случаях приходится принимать на веру общепринятые суждения (хотя, как известно, они не всегда бывают бесспорными).

Отношение прилагательное – субстантиват таких примечаний не требует: существование субстантиватов, рассмотренных выше, наряду с соответствующими прилагательными ни у кого не вызывает сомнений.

Существительное – предлог.

В сфере словообразования не включают, как правило, служебные слова. Значительная часть их либо непроизводна, либо их производность относится к сфере исторического словообразования. В этой работе я хотела бы немного остановиться на отношении к конверсии так называемых вторичных предлогов. Хотя, как уже говорилось, служебные части речи не рассматриваются в системе синхронного словообразования, однако по отношению к предлогам традиционно используется термин – «производные».

К вторичным предлогам многие исследователи и авторы учебных пособий и различного рода справочников относят словоформы *во время, с целью, по причине, в отношении*, см. [Черкасова 1955; 1967; Бондаренко 1961; Рогожникова 1983; Розенталь Теленкова 1976; Современный русский язык 1981 и др.].

В состав этих словоформ входят существительные, называющие определенные логические концепты, соответствующие значениям предлогов: *время, причина, цель* и т.д.

Очевидно, что эти словоформы не подверглись лексикализации (в отличие от предлогов *в силу, ввиду, во имя* и др.) и могут быть отнесены к образованиям по конверсии.

Несмотря на то, что отнесение этих словоформ к предлогам в настоящее время является почти общепризнанным, возникает вопрос: так ли уж бесспорны основания для этого решения?

Уже отмечалось (да это и очевидно), что, в отличие от вторичных предлогов типа *благодаря, ввиду, в силу* и др., которые обособились от своих «прародителей» семантически, словоформы типа *во время* никаких семантических изменений не претерпели. Если предложное сочетание *ввиду* с течением времени приобрело отвлеченное значение причины [Черкасова 1955: 104-108], то словоформы *во время, по причине, в целях* и под.соответствующие отвлеченные значения имели изначально, будучи существительными.

Какие признаки этих словоформ позволяют относить их к предлогам?

В качестве признаков предлогов у данных словоформ отмечаются: двусторонняя синтаксическая связь (с глаголами с одной стороны, и с существительными – с другой) и невозможность функционирования в роли самостоятельных членов предложения.

Достаточно ли этого для зачисления тех или иных языковых единиц в предлоги?

Образованию вторичных предлогов, в том числе отыменных, посвящено обстоятельное исследование, в котором проанализирован огромный материал [Черкасова 1967].

Но некоторые исходные положения этой работы, как мне теперь представляется, требуют уточнения. Это, в частности, положение о том, что предлог отличается от существительного двусторонними связями, для существительного же характерна односторонняя: «либо с предшествующим, либо с последующим словом» [Черкасова 1967: 18].

Разумеется, существительное, в отличие от предлога, не обязано иметь двустороннюю связь¹, это не входит в его функции, но, как известно, существительное может быть не только зависимым словом (в первую очередь по отношению к глаголу).

Важной синтаксической особенностью существительного является его способность иметь при себе, кроме согласованного определения, и зависимый родительный падеж другого существительного. Другие падежные формы присоединяются к существительному по потребностям коммуникации, но зависимость родительного беспредложного – категориальное свойство существительного, этим оно (как и адъективными определениями) отличается от местоименного существительного [Щерба 1915: 83].

Естественно, что, попадая в зависимое положение, существительное может реализовывать и свои права как главного слова и тем самым осуществляет

¹ О сомнительности критериев квалификации словоформы *в отношении* как предлога, то как существительного (*в отношении чего-то, но в этом отношении*) писал Д.Н. Шмелев [Шмелев 1961: 500].

двустороннюю связь. Для этого ему не нужно обладать отвлеченным значением, иметь в семантике «элемент релятивности». Примеры неисчислимы. Их можно было бы и не приводить, но некоторые все же приведу. Ср.: *Мы вышли из дома лесника (подшли к дому лесника, остановились за домом лесника и т.д.)*. Не будет иметь двусторонней связи только Им.п. *Дом лесника оказался поблизости*. Ср. также: *Встретился с братом жены; купил учебник истории; открыл магазин канцтоваров; продал дом отца; повторил судьбу матери и т.д.*

Эти факты общеизвестны, хочу только лишний раз обратить внимание на то, что двусторонняя связь – с глаголом, с одной стороны, и с управляемым существительным, с другой стороны, – никак не может быть различительным признаком предлога при сопоставлении его с существительным (а не наречием).

Неспособность к самостоятельному синтаксическому функционированию тоже не может быть надежным критерием препозициональности словоформы при отграничении ее от существительного: целый ряд существительных, называющих отвлеченные категории или параметрические понятия, не могут функционировать в качестве членов предложения без сопроводителей. Ср. существительные *свойство, цвет, размер, рост, вес, цена, высота, длина, форма* и др., которые лишь в определенных позициях могут обходиться без зависимых слов: обычно в высказываниях, содержащих истолкование понятия. Ср.: *Цвет* – это ‘свойство света вызывать определенные зрительные ощущения в соответствии со спектральным составом отражаемого или испускаемого излучения’. Но в других условиях их несамодостаточность требует конкретизатора. Ср. невозможность *он был (...)* *роста, имел (...)* *размер (цену, свойство)* и т.д.

То же относится и к словам *время, причина, цель, отношение* и под. Поэтому нельзя сказать: *это началось со времени...* (*во время* и т.д.). А в сочетании *в это время все и началось, это произошло во время правления Петра* субстантивные словоформы функционируют только вместе с распространителями. Таким образом, и этот признак сам по себе не работает в каждом случае на разграничение предлогов и существительных.

Но, может быть, мы имеем дело с таким обособлением предложно-падежной формы существительных *время* и под., когда только именно эта форма, и только она одна, употребляется для выражения двусторонней связи, а остальные формы утратились или не могут иметь двустороннюю связь?

Цель моих дальнейших рассуждений заключается в том, чтобы показать, что вряд ли можно считать предлогом эту словоформу и следовательно, еще раз отметить ненадежность образования по конверсии в русском языке с точки зрения синхронии.

Почему-то для зачисления в предлоги предпочтение отдано только одной словоформе существительного *время* – *во время*. Но ведь совершенно аналогично ведут себя и другие предложно-падежные формы этого существительного. Ср.: *это произошло во время правления Петра; это началось со времени правления Петра; это относится ко времени правления Петра; это приходится на время правления Петра; это наблюдается со времен правления Петра, идет еще из времен правления Петра*.

Почему же эти предложно-падежные словоформы не включаются в состав предлогов? Думается, у нас нет оснований считать, что словоформа *во время* «перешла в предлог».

Что же это в таком случае? Возможно, это синкретичная словоформа? Но синкретизм в нашем понимании предполагает сочетание ярко выраженных свойств, характерных для разных объектов. Такой, например, словоформой, сочетающей в себе признаки прилагательного и существительного, является относительное местоимение *который*; словоизменительные, согласовательные категории рода и числа, как у прилагательного, управляемая или независимая форма падежа; синтаксические функции, типичные для существительного.

Но в случае типа *во время*, как отмечалось, признаки предлога вполне могут быть свойственны и существительному.

Решение может быть предположительно такое: перед нами случаи нейтрализации различий существительного и предлога. Для нейтрализации, как известно, нужна позиция (о семантической и формальной нейтрализации в морфологии см.: [Булыгина 1969: 315, Панов 1998: 282 – 284]).

Такой (слабой) позицией для слов, лексические значения которых соответствуют семантике предлогов, является позиция с двусторонними синтаксическими связями.

Очевидно, что в некоторых случаях мы можем говорить о сильной позиции для рассматриваемых словоформ. Таковой, на наш взгляд, можно считать конструкцию с согласованным определением при сохранении двусторонних синтаксических связей. Например: *Он жил в это смутное время правления Петра*. В сильной позиции, как и ожидалось, перед нами существительное.

Таким образом, наблюдения показывают, что конверсия по отношению к синхронии не является надежным ресурсом словообразования, во-первых, потому, что создавая омонимы, может создавать условия для нейтрализации, а во-вторых, нередко оказывается сомнительным сам факт рождения нового слова, другой части речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко В.С. Предлоги в современном языке. М., 1961.
- Булыгина Т.В. О нейтрализации синтаксических оппозиций // Единицы разных уровней грамматического строя русского языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Ермакова О.П. О синтаксической совместимости определения и предложно-падежных форм существительных // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971.
- Ермакова О.П. Аффиксальное словообразование или нейтрализация на уровне морфологии // Wortbildung: interaktivim Sprachsystem – interdisziplinärs Forschungsgegenstand. Innsbruck, 2000.

Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М., 1989.

Панов М.В. Трансформы и нейтрализация // Лики языка. М., 1998.

Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I – II. М., 1958.

Рогожникова Р.П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 1983

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Современный русский язык: В 3 ч. / Под ред. Л.Ю. Максимова. М., 1981. Ч. 2

Черкасова Е.Т. К изучению образования русских отыменных предлогов // Исследования по грамматике русского литературного языка. М., 1955.

Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.

Шмелев Д.Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях // Изв. АН СССР. Отд.-ние лит.и яз. 1961. Т. XX. Вып. 6.

Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.

Olga P. Jermakowa

KONVERSION UND SYNCHRONIE

Zusammenfassung

Möchte ich sagen, daß Conversion im Russischen ist «unzuverlässiger» ein Wortbildungstyp in synchronische Sicht, denn führt zur die Neutralisierung der Redeteils.